

УДК 75.071(47+57)"1911/1917"
ББК 85.103(2=411.2)53-8

ТРОИЦКИЙ С.А., ТРОИЦКАЯ А.А.

ПИСЬМА НАДЕЖДЫ ВОЙТИНСКОЙ-ЛЕВИДОВОЙ К ВЛАДИМИРУ ВОЙТИНСКОМУ¹

В статье представлен обзор писем петербургской художницы Надежды Войтинской-Левидовой в период с 1911 по 1917 г. к брату — революционеру, известному экономисту и исследователю в области статистики Владимиру Войтинскому. В них упоминаются члены семьи Войтинских, описаны важные для них события. Имеются сведения не только о взаимоотношениях в семье, свадьбах, рождении ребенка, но и о творческой жизни художницы. Содержание и стилистика писем Войтинской типичны для эпистолярного наследия русской интеллигенции, вместе с тем в них затрагиваются темы, актуальные для повседневной жизни еврейских семей в дореволюционной России.

Ключевые слова: русская интеллигенция, Надежда Войтинская, Владимир Войтинский, переписка, Савелий Войтинский, частная жизнь, предреволюционный период.

О Владимире Войтинском мало знают в России², между тем на Западе его считают «одним из величайших специалистов по статистике и экономической теории, внесшим значительный вклад в развитие политики социальной защищенности в США» [15, р. 82]. Библиография трудов Владимира Савельевича насчитывает 425 известных публикаций на 16 языках³, среди которых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследование, подготовка к публикации и комментирование рукописного наследия Н.С. Войтинской (1886—1965)», проект № 13-33-01218.

² Из наиболее значимых публикаций о В.С. Войтинском см. [5; 6; 8; 10].

³ Библиографию см. [13, р. 232—263]. Упоминание о передаче супругой В. Войтинского Эммой коллекции его сочинений Университету Альберта см. [14, р. 525].

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

важные работы по экономической теории, социологии и теории статистики [2; 16—20; 22—27]. В настоящее время крайнюю актуальность приобретает предложенный им способ (метод) решения проблем занятости населения в период мировой экономической рецессии⁴.

В.С. Войтинский был сыном петербургского математика Савелия Иосифовича (Осиповича) Войтинского (1857—1918), профессора Электротехнического института с 1891 по 1906 год⁵. Дети Савелия Осиповича посвятили себя науке: Иосиф (1884—1942) был ведущим специалистом по трудовому праву, заведовал кафедрой в Московском государственном университете; Владимир (1885—1960), оказавшийся в результате жизненных перипетий в США, продолжил там научную работу, начатую до эмиграции; Надежда (1886—1965) стала художником, переводчиком, автором трудов по теории искусства; Николай (1888—1954) — профессор Лесотехнического института в Ленинграде.

По воспоминаниям В.С. Войтинского, учеба давалась ему легко. Благодаря фотографической памяти и хорошему домашнему образованию под руководством отца он стал в гимназии лучшим учеником [21, р. 8]. Его интересовал широкий круг вопросов — от юриспруденции и экономики до философии и математической теории. В семье господствовали достаточно либеральные взгляды. С.И. Войтинский относился к своим детям как к ответственным и взрослым людям. Будучи человеком аполитичным, он заботился преимущественно об их интеллектуальном развитии, в результате чего они увлеклись популярными в ту пору левыми учениями. Владимир Войтинский, идеалист и «книжный червь», как он себя называл, мечтал об усовершенствовании мира, устранении из жизни вековых пороков.

Желание изменить мир на справедливых началах привело Владимира к решению заняться юриспруденцией. Вслед за старшим братом он поступил на юридический факультет университета, однако вскоре оставил учебу, обратившись к практике революционной борьбы. В 1905 г. Владимир стал членом РСДРП, вошел в состав Петербургского комитета партии, организовал и возглавил городской Совет безработных. В своих мемуарах он красочно описал революционные будни: как скрывался от полиции, как переходил границу вместе с контрабандистами. Однако, несмотря на меры предосторожности, он был арестован и в 1909 г. приговорен к каторжным работам. Отбывал

наказание в Иркутской губернии, где оставался вплоть до 1917 г., правда, с 1912 г. — в качестве поселенца.

Политическая деятельность Войтинского была нацелена на установление справедливого общественного уклада. Однако, осознав бесперспективность изменения социального устройства посредством политического переворота, он отказался от политической деятельности в пользу научно-исследовательской, предлагая последовательные экономические и демографические изменения, способные привести к позитивным результатам.

В Иркутске Войтинский писал очерки и рассказы, основанные на личном опыте (опубликованы в журналах «Современник», «Вестник Европы», «Русское богатство»), статьи по социально-политической проблематике и научные статьи, которые печатались в различных социал-демократических изданиях. Здесь он провел исследование рынка труда, применив пионерские научные методы, синтезирующие инструментарий нескольких дисциплин — социологии, статистики, экономики. Исследование было предпринято по инициативе самого молодого ученого, который с 1914 г. фактически возглавлял трудовую комиссию Иркутского комитета Всероссийского союза городов. Он разработал практически все идеологическое, содержательное и техническое обеспечение исследования. Методологическая основа была подготовлена предшествующей работой Войтинского «Евреи в Иркутске», написанной совместно с А.Я. Горнштейном [1].

Обследование-опрос более 15 тыс. человек дало удивительно ясную картину, описанную ученым в книге «Рабочий рынок г. Иркутска во время войны», где объяснены социально-экономические причины сложившейся ситуации. Правда, издание не было осуществлено в полном объеме (рукопись оказалась утерянной при подготовке к публикации [21, р. 185]), но о содержании книги и работе над ней свидетельствуют материалы, напечатанные в конце 1916 — начале 1917 г. газетой «Сибирь» [5; 6].

Сама тема была революционной не только для Сибири, но и для всей России, новаторской была также исследовательская стратегия, оценить которую в тот период оказалось просто некому — отсутствовали специалисты соответствующей квалификации. Стремясь к точному описанию социальных, политических и экономических процессов, В.С. Войтинский использует статистические данные. «Мы сравниваем явления, которые по своей однородности поддаются сравнению», — поясняет ученый [1, с. 83]. Статистические данные, обосновывающие выводы, определили и структуру обоих исследований. Цифровые выкладки были в них не самоцелью, а основой для дальнейшей концептуализации, что выгодно отличает работу В.С. Войтинского от других исследований того времени, использовавших статистику. Войтинский обосновывает экономическую целесообразность общественных работ в ситуации перегрева рынка труда и перенасыщения его рабочей силой низкой квалификации в период социально-политических катаклизмов, каковыми явились Первая мировая война и последовавшие за ней революции. Проблему он знал изнутри еще с того времени, когда руководил в Петербурге Советом безработных. Предложение исполь-

⁴ О методе Войтинского см., напр., [12]. Об актуальности см., напр., [11].

⁵ В середине 1880-х гг. С.И. Войтинский построил в Териоках (ныне Зеленогорск, пригород Санкт-Петербурга) «летнюю» и «зимнюю» дачи. Он перебрался туда на постоянное жительство после того, как врачи выявили у него тяжелую форму диабета. После отставки в 1906 г. преподавал математику в Териокском реальном училище. Кроме того, организовал курсы для поступающих в высшие учебные учреждения и построил в районе своей «зимней» дачи классы и жилые комнаты для учеников. Интересно, что среди этих учеников был будущий писатель Алексей Толстой, описавший териокский быт в своих письмах. С момента провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 г. Териоки оказались за границей. Пользовавшийся уважением С.И. Войтинский был избран казначеем в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. После смены правительства в Финляндии начались репрессии в отношении всех, кто имел какое-либо отношение к Советам, в результате профессор Войтинский был арестован и заключен в териокскую тюрьму. Болезнь и постоянные избиения привели его к смерти 18 июня 1918 года.

зовать общественные работы для решения экономических проблем, связанных с рынком труда, противоречило господствовавшим тогда концепциям, способным лишь на время законсервировать, но не улучшить ситуацию. Идеи В.С. Войтинского, относящиеся к периоду иркутской ссылки, были востребованы позднее, когда ученый работал в США. Там они помогли американскому правительству «лечить» последствия Великой депрессии.

В.С. Войтинский работал в Германии (1922—1933), Швейцарии, Франции (1933—1935) и США (1935—1960) в качестве экономиста, статистика, журналиста, сотрудника Международной организации труда при Лиге Наций, Центрального статистического бюро и Управления социального обеспечения, советника президента Ф.Д. Рузвельта, а также в качестве директора совместного исследовательского проекта Фонда XX столетия и Университета Джонса Хопкинса. Владимир и его жена Эмма Войтинские учредили при Мичиганском университете фонд для выплаты студентам специальных стипендий (The Vladimir S. and Emma S. Woytinsky Fellowship Fund). В библиотеке университета хранится собрание книг супругов Войтинских.

Научная и литературная деятельность ученого нашла отражение в его переписке с сестрой. Надежда Савельевна Войтинская была, судя по письмам, наиболее близка ему духовно. В ее письмах мы находим отголоски происходящих событий, описание личных переживаний и взаимоотношений с родственниками⁶. Свидетельство особо доверительных отношений между ними содержится, например, в письме Н.С. Войтинской от 8 марта 1914 г., накануне ее свадьбы (л. 5—6). Выбор адресата письма, написанного перед столь волнующим моментом в жизни женщины не может быть случайным. Войтинская будто обзревает предстоящий жизненный этап и среди прочего благодарит брата: «А добра ты сделал мне много — помешал мне нравственно опуститься, что порою казалось совершенно неотвратимым» (об. л. 5). Неясно, что имела в виду Надежда, но известен своеобразный отклик Владимира на сообщение о предстоящем браке. Находясь в далекой Сибири, Владимир Савельевич устроил так, что утром в день свадьбы сестре преподнесли от его имени букет цветов, что по тем временам было совершенно неожиданно и потребовало от него изобретательности и невероятных усилий. Неудивительно, что об этом случае Войтинская долго потом вспоминала в переписке с

братом. Именно сестру-художницу попросил Владимир иллюстрировать свою книгу, заняться ее изданием в Петербурге — Петрограде.

Важным подтверждением духовной близости между Владимиром и Надеждой является и желание Надежды назвать своего будущего сына именем брата. В письме от 3 октября 1914 г., рассказывая о своей беременности (а она была уверена, что носит мальчика), Надежда упоминает «Воленьку». Правда, рождение девочки разрушило этот замысел. В лаконичной телеграмме от 12 декабря 1914 г. (л. 17) сказано: «Ниночка целует дядю», а уже через пять дней в письме от 17 декабря 1914 г. (л. 12) за новорожденной закрепляется новое имя — Ада (Адда).

Войтинская Н.С. Автопортрет (1917)

Войтинская пишет брату: «Милый Володенька, шлем тебе сердечный привет. Твоя маленькая племянница окказалась очень миленькой девочкой. Жаль только, что при всем желании не удалось ее назвать Володей. Но из Нины обратилась в Адду. Это имя и поэтичное, и библейское зараз. Лея⁷ горд и счастлив. Через 3—4 дня я вернусь из больницы домой. Конечно, мы все очень счастливы. Как только удастся снять Адду, пришлю тебе карточки. Целую крепко. Надя».

Судя по всему, у Надежды Войтинской было немало поклонников. В одном из февральских писем 1914 г. (л. 2—3) она подробно описывает свое знакомство и помолвку с Л.И. Левидовым, которому к тому времени исполнилось 34 года. Встреча с будущим мужем произошла 19 января 1914 г. у нее дома, куда Левидов попал случай-

но — пришел вместе со знакомым на праздник, устроенный Войтинской. Чувство развивалось настолько быстро, что через восемь дней они обручились, а 9 марта Надежда Савельевна и Лев Ионович поженились. Для Левидова было очень важным сохранение в семье национальных (еврейских) традиций. Показателен разговор, пересказанный Надеждой Савельевной в письме к брату: «В театре он мне говорил: я ужасно рад, что вы перешли в еврейство, потому что я всегда мечтал о том, чтобы моя жена по пятницам зажигала свечи. Вы будете это делать? — “Буду”» (л. 2). Войтинская подробно рассказывала о женихе, стремясь подчеркнуть его достоинства, чтобы расположить брата к своему избраннику: «Он окончил еврейскую учительскую

⁶ Войтинская Н.С. Письма и телеграмма Владимиру Савельевичу Войтинскому. 1911. — 7 февраля 1917 г., 17 л. // ОР РНБ. Ф. 1156 (Войтинская Н.С.). Оп. 1. Ед. хр. 875.

Номера страниц указаны в статье по этому источнику. О Н.С. Войтинской см. также [7; 9] и др.

⁷ Муж Н.С. Войтинской, юрист Лев Ионович Левидов (1880—1942), был помощником присяжного поверенного, членом Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов, а также секретарем Еврейского театрального общества, учрежденного в 1916 году. Родился в еврейской семье, где кроме него было еще два брата — Иосиф и Самуил, в письмах Войтинской упоминается также сестра Левидова и две его племянницы. Согласно адресно-телефонному справочнику «Абоненты Ленинградской телефонной сети 1925», занимал должность члена коллегии защитников и проживал по адресу: ул. Слуцкого (так называлась ул. Таврическая в 1918—1944 гг.), 37, кв. 12. Там же был прописан в начале войны и блокады Ленинграда. Умер по пути в эвакуацию.

семинарию и лет 12 учительствовал. За это время сдал на аттестат зрелости и окончил юридический факультет; побывал 4 раза в Америке; 1 раз совершил кругосветное путешествие. Пишет в газетах, организует всякие новые предприятия, энергичен, деятелен, умен, талантлив. Но в то же время он бесконечно заботлив, трогательно нежен, поэтичен, весел, остроумен; играет хорошо на сцене, музыкален, хорошо владеет словом, красив» (л. 3).

Собираясь навестить ссыльного брата, Надежда рассматривала разные варианты маршрута. Левидов, который должен был летом 1914 г. участвовать в судебном процессе во Владивостоке, предлагал жене доехать с ним до Иркутска, откуда она могла бы отправиться к брату. Этот план, по всей видимости, не был осуществлен — возможно, помешала начавшаяся война или семейные обстоятельства. В письме от 3 октября 1914 г. (л. 9—10) Войтинская сообщает, что из-за войны в Петроград из Варшавы переехала сестра мужа с дочерьми, которых пришлось устраивать на учебу. хлопоты были сопряжены с трудностями, поскольку Надежда в то время ждала ребенка. По этой причине она даже отказалась держать экзамен на Бестужевских курсах и перенесла его на январь, после родов.

К заботам о родственниках мужа добавились заботы о родителях, о чем Надежда также пишет брату. Незадолго до войны С.И. Войтинский выехал в Европу и находился в Брюсселе, когда город 20 августа 1914 г. заняли германские войска. Неясно было, оставался ли он там по своей воле или был интернирован. Без него дела семьи были очень нехороши. Несмотря на то, что в Петрограде жили два сына Савелия Иосифовича, заботу о матери пришлось принять на себя Надежде. Так случилось и позднее, когда после смерти отца мать возвратилась из Финляндии в Петроград⁸.

Что касается отца, то у него был, по всей видимости, весьма непростой характер, отчего и отношения детей с ним не складывались. Отголоски этой ситуации можно найти и в письмах Надежды. «Папа преобразился, стал неузнаваем, — пишет она брату 22 марта 1914 г. — Ты глубоко верно угадал его настроения и причину их. Знаешь, я готова простить ему» (л. 7—8). Из письма неясно, о чем идет речь, но причин для переживаний было достаточно — шла война. «Ты прав, что мы живем в атмосфере абсолютного озверения, — говорится в другом письме. — Идет переоценка всех ценностей, но в каком нежелательном направлении. Стыдно бывает читать. Как шатко, как относительно все, что считали прочным завоеванием. Пишу тебе мало, потому что как-то рассеянна и неспокойна мысль» (л. 10). Финансовое положение семьи было также довольно шатким, а отец требовал денег, о чем Надежда сообщила Владимиру 5 декабря 1914 г. (л. 11). Телеграмма с просьбой прислать деньги поступила из Амстердама, но Надежда полагала, что отец поручил отправить ее кому-то другому, а сам по-прежнему находится в Брюсселе.

⁸ Вильгельмина Лазаревна Войтинская (урожденная Берман) после смерти мужа решила не оставаться на чужбине и вернуться в Россию. Однако финские власти разрешения на выезд в Советскую Россию ей не дали, в результате она была вынуждена добираться кружным путем, через Берлин.

Не совсем беспочвенными оказались и высказанные Надеждой в письме от 7 февраля 1917 г. (л. 15—16) опасения и беспокойство матери перед приездом Эммы, жены Владимира. Знакомство семьи с ней могло быть омрачено какой-нибудь отцовской выходкой. Правда, Надежда Савельевна успокаивала брата, что в любом случае она, Надежда, постарается предотвратить возникновение неприятной ситуации. «Было бы хорошо, если бы Эмочка была здесь к 9-му марта, — добавляет она. — Этот день мы бы провели здесь. Это наша семейная годовщина. Ты рассказал Эмочке про букет, к[отор]ый я получила от тебя к венчанию? Это самое трогательное и поэтичное воспоминание за долгое время» (л. 16 об.).

Нам кажется, что из всех сохранившихся писем Надежды Войтинской к брату особенно показательным является письмо от 14 января 1917 г. (л. 13—14), которое иллюстрирует всю палитру взаимоотношений в семье Войтинских, поэтому уместно привести его полностью.

«14 янв. 1917.

Дорогой Володенька,

Твое письмо произвело на меня странное действие: я вновь за тебя пережила всю горечь, весь яд, к которому я так привыкла, что даже перестала особенно остро переживать. Но, с другой стороны, у меня было какое-то чувство справедливого отмщения; и не столько за себя, сколько за маму. Еще до отъезда папы и все время его пребывания у вас мама терзалась одной мыслью или, скорее, чувством: «Они его не раскусят, он будет представляться хорошим, добрым, любящим; они поверят; он будет жаловаться на меня, на детей, и он вытеснит из сердца Эммы и Володи и меня, и тебя». Вот была основная тема. И эта ревность, этот страх переживались очень остро. Мама много раз просила меня написать и предупредить вас, но особое совсем чувство уважения к судьбе и к тому, что я лично считала неотвратимым, мешало мне вмешиваться и оказывать влияние на ваш суд. <...> За это я тогда дорого заплатила. Написать Вам мне мешало особое чувство по отношению к Эмочке. Ее письма были полны такой чудной поэтичностью, она рисовалась мне такой юной, прелестной, такой верящей, что я не хотела отнимать у нее ничего, не хотела темных нот. Мне было стыдно отвечать на ее письма, свежие, как лепестки цветка; когда я садилась писать, я невольно думала о нашей семье, не о моей в узком смысле, и меня охватывала тоска. Ты заметил: с тех пор как Эмма вошла в твою жизнь, я перестала писать об отце, о маме — не хотела лгать, но не хотела и чтобы Эмма знала то, что так легко было бы скрыть, если бы не эта поездка. Я поясню мое чувство: когда Адочка будет подрастать, я все сделаю, чтобы скрыть, что у нее нехороший дедушка, который доставил много горя ее бабушке и маме. Пусть у нее остается, пока возможно, источник хороших чувств; пусть у нее будет то, что есть у других детей. <...> Того чувства утраты чего-то дорогого, о котором ты пишешь в письме, мне не пришлось испытать: горькая истина мне открылась не сразу, а лишь постепенно, но зато с тем большей достоверностью. Конечно, конфликт становится для нас с Лелей сложным из-за мамы. Иначе бы он разрешился очень давно: слишком уж отец оскорбляет

национальные чувства Лели⁹, слишком раздражает нас наставлениями со ссылкой на собственный пример. Да и воспоминания последнего года моей жизни дома создали бы подходящую атмосферу для разрыва. Но я думаю о маме. Он считает своим правом “позволять и не позволять” ей, “пускать и не пускать” ее в город. И мы молча слушаем все его поучения, все рассказы. Касаясь того вопроса, к которому ты перешел в самом конце письма, я скажу тебе, что и мы не раз предлагали маме уехать из Териок, но мама уверена, что ее положение от этого станет еще хуже. В будущем году папа решил не иметь совсем занятий в Петрограде и безвыездно жить в Териоках. Эта мысль очень пугала маму, но сама судьба указала благоприятный исход. В доме, где мы живем, этажом выше, у меня скоро будет ателье. Я обставлю эту комнату так, чтобы она была удобна для жилья, и мама будет там ночевать у себя, а у нас будет дорогой гостьей. Останавливаться на несколько дней у нас для мамы утомительно из-за шума и суеты, к[отор]ый начинается в 8 ч. утра, а кончается в 12ч. ночи. Зато днем у нас тихо, и мама сможет с утра и до вечера быть с нами, с Адочкой, к[отор]ую она боготворит. А ночевать мама будет в моем ателье. Леля очень полюбил маму и всячески старается оказать ей внимание. Нравственное положение мамы несколько ухудшается тем, что все дети в разъезде; приезжают Коля и Ося на 1—2 дня и, даже любя маму, не могут особенно вникнуть в ее положение. Да и веселого мало в их приездах. Коля — морской офицер и как таковой не должен иметь ни родственников, ни предков евреев. Он даже взял с меня обещание, что я не буду участвовать в выставке еврейских художников¹⁰ под фамилией Войтинская-Левидова. Я согласилась, хотя наносу себе большой ущерб и духовный и материальный. На предыдущей выставке одну мою вещь приобрели в музей еврейских художников, и это, конечно, дало бы мне шансы продать на ближайшей выставке. Но придется принести Коле эту жертву и выставить под псевдонимом. Хотя Леля утверждает, что это потворство. Он резонно замечает: пусть Коля меняет фамилию, если это ему нужно. Но мне жаль Колю: он заблудшая душа, слабовольный человек; а кроме того, он возмужал и вошел в жизнь без духовной поддержки, без отца, к[отор]ый бы предупредил возможные заблуждения, дурные влияния. Не у всех, милый, такая счастливая натура, такая полновзвучная душа, как у тебя. Нас папа слишком опекал и слишком с нами возился, когда мы были маленькими, и слишком забросил, когда мы выросли. Мы с тобою от этого не пострадали, а Ося и Коля пострадали заметно. Да, фамилия секретаря журнала. Ее узнает сегодня секретарь др. журнала; это оказалось труднее, чем я ожидала, и я ее телеграфирую. Эмочку мы будем ждать с огромной радостью, она должна

жить у нас. Нам будет хорошо вместе. Б. м., сегодняшнее письмо объяснит ей краткость моих писем, и оно же даст мне возможность писать больше и чаще.

Целую Вас обоих крепко.
Надя».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Войтинский В.С.* Евреи в Иркутске / В.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн. — Иркутск, 1915. — 342 с.
2. *Он же.* Мир в цифрах : в 2 т. / В. Войтинский. — Берлин, 1924—1925.
3. Каталог выставки картин и скульптуры художников-евреев. — М. : Еврейское общество поощрения художников, 1917. — 16 с.
4. *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. — М. : Советский художник, 1983. — 495 с.
5. *Майдачевский Д.Я.* История одного исследовательского проекта : В.С. Войтинский, Иркутск, 1915—1917 гг. // Историко-экономические исследования. — 2008. — Т. 9. — № 2. — С. 61—84.
6. *Он же.* Сибирские «университеты» В.С. Войтинского // ЭКО. — 2010. — № 11. — С. 167—178.
7. *Мельников В.Л.* Неизвестные документы Надежды Савельевны Войтинской (1886—1965) // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том VI: 150 лет школе выдающегося петербургского педагога-просветителя К.И. Мая ; Проблемы сохранения культурного наследия в чрезвычайных ситуациях. — СПб. : Рериховский центр СПбГУ, 2008. — С. 397—402.
8. *Ненароков А.* Экономические взгляды В.С. Войтинского // Россия — XXI. — 2005. — № 6. — С. 160—177.
9. *Троицкий С.А.* Древнерусское искусство в творчестве Н.С. Войтинской и С.И. Бодуэн де Куртенэ / С.А. Троицкий, А.А. Троицкая // Вече: журнал русской философии и культуры. — 2013. — Вып. 25. — С. 205—217.
10. *Чернявский Г.И.* Войтинский и его время // Войтинский В.С. 1917. Год побед и поражений. — М., 1999. — С. 3—19.
11. *Brecher J.* Looking Backward: International Labor's Forgotten Plan to Fight the Great Depression / J. Brecher, T. Costello, B. Smith // New Labor Forum. — 2010. — Vol. 19. — № 1. — P.40—43.
12. *Heneman Jr.* Measurement of Secondary Unemployment : An Evaluation of Woytinsky's Methods / Jr. Heneman, G. Herbert // Industrial and Labor Relations Review. — 1950. — Jul. — Vol. 3. — № 4. — P. 567—574.
13. *So Much Alive : The Life and Work of W.S. Woytinsky / Edited by Emma S. Woytinsky.* — New York, 1962. — 272 p.
14. *The Woytinsky Collection // The Canadian Journal of Economics and Political Science.* — 1966. — Vol. 32. — № 4. — P. 525.
15. *Wladimir Woytinsky, 1885—1960 // Social Service Review.* — 1961. — Vol. 35. — № 1. — P. 82.
16. *Woytinsky W.* Economic Perspectives. 1942—47 / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1942. — 58 p.
17. *Idem.* Employment and Wages in the United States / W. Woytinsky. — New York, 1953 (1976). — 772 p.
18. *Idem.* India. The Awakening Giant / W. Woytinsky. — New York, 1957. — 201 p.
19. *Idem.* Lessons of the Recessions / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1959 (N.Y., 1980). — 102 p.
20. *Idem.* Principles of Cost Estimates in Unemployment Insurance / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1948. — 174 p.

⁹ Левидов был активистом еврейских национальных организаций, автором очерков и статей на тему еврейства. Надежда Войтинская, православная еврейка, незадолго до встречи с Левидовым перешла в иудаизм.

¹⁰ Вероятно, речь идет о Выставке живописи и скульптуры еврейских художников, проходившей в Москве в галерее Лемерсье с 4 по 30 апреля 1917 года. Организатор выставки — Еврейское общество поощрения художеств. Сведений об участии Н.С. Войтинской в выставке не найдено. В каталоге выставки ее имя не упоминается. См. [3; 4].

21. *Idem.* Stormy passage. A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom : 1905—1960 / W.S. Woytinsky. — New York : The Vanguard Press Inc., 1961. — 535 p.
22. *Idem.* The Labor Supply in the United States / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1942. — 131 p.
23. *Idem.* The Prosperity Issue in the 1960 Election / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1960. — 36 p.
24. *Idem.* Three Aspects of Labor Dynamics / W. Woytinsky. — Washington, DC, 1942 (1974). — 249 p.
25. *Idem.* World Commerce and Governments / W. Woytinsky. — New York, 1955. — 907 p.
26. *Idem.* World Population and Production / W. Woytinsky. — New York, 1953. — 1268 p.
27. *Idem.* Die Welt in Zahlen : [In 7 Büchern] / Wl. Woytinsky [Mehnteiliges Werk]. — Berlin, 1925—1928.

УДК 75.071(47+57)"18/19"

ББК 85.103(2=411.2)5-8Головин А.Я.

ГРУШЕВСКАЯ Н.А.

ТВОРЧЕСКИЕ МЕТОДЫ А.Я. ГОЛОВИНА И ЕГО БЛИЗОСТЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

В статье рассмотрены и проанализированы творческие принципы, методы живописания и мировоззренческая позиция А.Я. Головина, повлиявшие на его творчество. Прослежена связь, сходство воззрений художника и мастеров объединения Союз русских художников на процесс живописи. Обозначены причины этого сходства в единой школе формирования художников. Подчеркивается роль цвета в произведениях А.Я. Головина.

Ключевые слова: техника живописи, масляная живопись, творческие принципы, художник, преемственность, Головин, Союз русских художников, московская школа живописи, искусство.

Общеизвестен факт, что художник-реалист обязан уметь рисовать и писать красками, руководствуясь общими законами, принципами живописи. Многие из этих принципов закладываются в годы обучения, а часть методов — самостоятельно выработанная художником в процессе собственно творчества, изучения природы и работы с материалом, его своеобразная система. Это — своего рода, персональная подпись, генерируемая живописцем флюктуация традиционности, в индивидуальности которой и состоит воплощение истинного художника. Наследие мастеров кисти в виде их суждений об искусстве и советов по ведению художественных работ порой представляет большую ценность для молодого поколения художников, степень которой в их интерактивном творчестве современности заслуживает отдельного, пристального рассмотрения. И чем крупнее мастер, тем, вероятно, большего внимания могут заслуживать его советы и методы работы.

В этом смысле творческие принципы, приемы и воззрения Александра Яковлевича Головина (1863—1930) более чем просто познавательны. В данной статье рассматриваются наиболее актуальные из них, в контексте современного профессионального представления о технике живописания.

А.Я. Головин более всего известен как великолепный театральный художник конца XIX — начала XX века.

Отметим, что именно театральная деятельность, как и у ряда других мастеров, являлась для него как источником заработка, так и импульсом к генерации новых творческих идей. Круг интересов не ограничивался только созданием декораций, автор много работал в станковой живописи — в жанрах портрета, натюрморта, пейзажа. Как отмечает М.Н. Пожарская в книге «Путь художника», в личности Головина «обе ипостаси — живописца и художника сцены — слились нераздельно и равноправно» [6, с. 7]. Это был уникальнейший творец современности, который интересен и в наше время, чье творчество непреднамеренно «вовлекает» в созданные неповторимые пространства бытия. Остается открытым вопрос, как такой уникальный по мировосприятию человек смог самореализоваться, передать свою самобытность в контексте необходимой подчиненности правилам и принципам его эпохи.

Формально А.Я. Головина нельзя назвать ярко выраженным представителем или поборником какого-то одного художественного объединения — художник «мало заботился о том, чтобы выставлять свои работы, — его это как-то не привлекало» [1, с. 300], и, как вспоминает один из учеников мастера В.В. Теляковский, «не любил спорить, особенно на темы искусства» [1, с. 300]. Будучи мягким и скромным человеком во всех сферах, кроме художественной, Александр Яковлевич держался обособленно в вопросах, касающихся его произведений, следуя